

Снежное соло Ольги Аросевой

Автор: Administrator

18.01.2010 03:45 - Обновлено 18.01.2010 03:55

Снежное соло Ольги Аросевой

[Журнал МАНИЯ ТЕАТРА](#)

Елена Чибисова

**"Вышел ангел из тумана",
Театр Сатиры,
пьеса Петра Гладилина, режиссер Никита Ширяев
В ролях:**

Екатерина Кондратьевна -
Ольга Аросева
Архангел Гавриил - Лев Дуров
Коленька - Павел Мисаилов
Белла Соломоновна - Зоя Зелинская

Братья - Анатолий Гузенко и Борис Тенин
Их жены - Наталья Карпунина
и Луиза Мосендэ
Их дети - Ольга Мотина
и Светлана Малюкова

<!-- /* Font Definitions */ @font-face {font-family:"Cambria Math"; panose-1:2 4 5 3 5 4 6 3 2

```
4; mso-font-charset:1; mso-generic-font-family:roman; mso-font-format:other;
mso-font-pitch:variable; mso-font-signature:0 0 0 0 0 0;} @font-face {font-family:Verdana;
panose-1:2 11 6 4 3 5 4 4 2 4; mso-font-charset:204; mso-generic-font-family:swiss;
mso-font-pitch:variable; mso-font-signature:-1593833729 1073750107 16 0 415 0;} /* Style
Definitions */ p.MsoNormal, li.MsoNormal, div.MsoNormal {mso-style-unhide:no;
mso-style-qformat:yes; mso-style-parent:""; margin:0cm; margin-bottom:.0001pt;
mso-pagination:widow-orphan; font-size:12.0pt; font-family:"Times New Roman","serif";
mso-fareast-font-family:"Times New Roman";} .MsoChpDefault {mso-style-type:export-only;
mso-default-props:yes; font-size:10.0pt; mso-ansi-font-size:10.0pt; mso-bidi-font-size:10.0pt;}
@page Section1 {size:612.0pt 792.0pt; margin:2.0cm 42.5pt 2.0cm 3.0cm;
mso-header-margin:36.0pt; mso-footer-margin:36.0pt; mso-paper-source:0;} div.Section1
{page:Section1;} -->
```

Странную пьесу написал Петр Гладилин. Сюрная притча растет на стопроцентно бытовой почве. Диковатый абсурд соседствует с «душевкой», с пафосом незабываемых истин. Вирази оторвавшегося от земли сознания - со строго и внятно читаемой моралью. Природа стилевого раздвоения проста - пьеса написана для Ольги Аросевой.

Она сама - живой сюр природы и естества, сумасшедший поэт санитарии и гигиены души, кокетливый и эксцентричный хранитель устоев. В ней все начала сходятся в гармонию, ей позволено говорить слова, от которых обычно немного неловко, нет-нет, не те - те на сцене уж прижились, став хорошим тоном. А вот фразу «... и каждый час в вагоне умирал солдатик» произнести так, чтобы не было ужасно за вековую спекуляцию на солдатах, можно не всем. Ей можно. Ей, вне эстрадных рамок, в поле ее собственной чистой и мощной энергетики оказалось дозволенным все. Ее актерская природа правдива настолько, насколько точен внутренний камертон. В этом спектакле он, похоже, равняется на ее собственную жизнь и хранит от неточностей.

«Просматриваю свой дневник за последние два года. Забавно. Одна запись кажется мне сейчас особо знаменательной. Вот она, - пишет А.Н. Арбузов «дружочку Оленьке», - Не люблю женщин. Они все очень неуклюже стараются. Вот именно стараются. Стараются быть милыми, интересными, умными, невыносимо делается жалко их. О, я хотел бы увидеть женщину, которая была бы легка и естественная во всех проявлениях. Как полет птицы, как мелодия Моцарта, как утренний свет солнца. Сейчас я не мог бы этого написать. Вы тому причина».

Он, наверное, прав, наказанный-таки за снисходительное предубеждение драматург. Трижды прав был бы, если бы добавил - «на сцене». Все подмеченное им тоже утроилось бы, а редкость встречи с правдивой актрисой удесятилась. И в эту редкую категорию снова попала бы Ольга Александровна - в премьеры театра Сатиры.

Как поссорились Иван Иванович с Иваном Никифоровичем? С древнегреческим величием поссорились, но читать умирительно. Как поссорились два сына Екатерины Кондратьевны? Примерно так же по-идиотски, но слушать омерзительно. Несмотря на почти полное подобие, трепетные миргородские жители полны нелепо возвышенной обиды и негодования, в то время как братья - глухой деятельной ненависти.

Стариковская вендетта, теряющаяся в судебных разбирательствах по милости съевшей бумаги бурой свиньи, - детский лепет по сравнению с братским снежным комом мщения,

наворачивающимся в геометрической прогрессии.

Вылезшая на свет Божий в мамин день рождения взаимная ярость оказывается испытанием непереносимым. И мама сходит с ума. Спокойно, как с поезда - на дальней станции, трава по пояс. Уходит, словно покидающая трон королева, шлейфом стягивая за собой скатерть. Прыгают по сцене праздничные яблоки, и мама исчезает из сна разума в свой собственный, красивый сон о детстве, о начатой заново жизни, о чистом снеге, падающем с ангельских крыльев, о новых детях, добрых и стеснительных. «Я не мама, я Катенька...»

Исправлять положение является посланник небес, божик Гавриил, сам из архангелов. Спасенный Катенькой из ставшего было последним приютом троллейбуса, помытый и приодетый в папины вещи, он неколебимо радостен и неостановимо болтлив, как ожившая птичка. Вспушая смешные нечастые волосики нимбом, перебирает комичными ножками навстречу своему счастью - пачке «Примы» и пузырю божественной крепухи. Умело витийствуя, ловко приспособливает библейское к практическому и наоборот, к большому восторгу Катеньки. Двое вполне солидных людей вступают в хулиганский сговор, к ужасу нормального молодняка в полном взаимопонимании изгоняют сиделку, не знавшую, что такое любовь, и торжествуя шествуют прочь от разума и здравомыслия. И страшно хочется верить, что это и вправду архангел.

Лев Дуров очарователен и энергичен, букет из почти опереточного темперамента и серьезных, знающих глаз он приносит к ногам полной достоинства партнерши, и их дуэт с Аросевой замечательно пропорционален. При этом она, не заражаясь его буффонной манерой, продолжает вести свою линию, нефорсированную, без досыла в зал, как бы и не замечаящую его, зала, присутствия.

Она вообще несколько отдельная, и даже в плотном контакте с партнерами в ней явственна и притягательна сильнейшая внутренняя концентрация. Дав самой себе этот единственный за всю свою заботливую жизнь отгул, ее героиня может быть впервые с интересом и уважением слушает себя. И услышанное ею и в ней кажется, пожалуй, самым значительным, глубоким и ценным в спектакле.

Она идет вдоль белых снежных декораций Владимира Боера и слушает пение ангелов. Бедная милая внучка, восторженно артикулируя, машет лапками, пытаясь донести до спятившей бабушки состряпанное детьми целительное вранье. Но ее приподнятый бравурный поток приглушается и угасает вовсе, как плавно выключенный звук телевизора. Сосредоточенная и прекрасная, бабушка идет зачарованно мимо, узнавая музыку своей души. Это, возможно, самая красивая сцена, в чем-то ключевая для зрительского восприятия. Потому что точно так же, как Аросева не слышит никого, кроме ангелов, я по большому счету не слышу никого, кроме нее самой. Это не бенефис актрисы, это соло. При всем почтении к замечательным и профессиональным, включая совсем юных, актерам. Сильное, свободное, чудесное соло.

Ольга Аросева вообще принадлежит к категории чудесного, она чудесна и тихая, и гневная, и светлая. Ее отец когда-то писал в дневнике о Ромене Роллане: «Он весь смягчен и внутренне очень здоров и свеж. Будто бы в нем совершается настоящая весна». Именно весна совершается в Ольге Александровне. Даже, когда она стоит за

туманным, как будто заиндевевшим от отчаяния стеклом, или устало и безнадежно садится за струящимися по этому же окну дождями.

Архангел рассудит и каким-то чудом помирит братьев. «Каин, - спросит он деловито и строго, - зачем надел ты мокрые плавки на голову брата своего, Авеля?» И эта фраза не будет ни смешить, ни казаться заявкой на шутку. Она вытащит столь живописную панораму братских обоюдных злодейств, что, честно говоря, ребятаки не вызовут обильного сочувствия ни в поссорившемся виде, ни в помирившемся. Хоть панорама реалистична и, увы, многократно по жизни воспроизводима. Но - то ли исполнители так строги к братьям, то ли сюжет заставил их чрез слишком многое переступить, - облегченного финального вздоха не испускается. А может, это мне полагается сеанс психотерапевтической магии от «душелюба и сердцеведа» Гавриила. Но формально все кончится миром.

А потом архангел придет за Катенькиной душой. И тут страшно захочется поверить, что это и вправду всего лишь мудрый и не очень везучий бож.

Катенька, не уходите!..